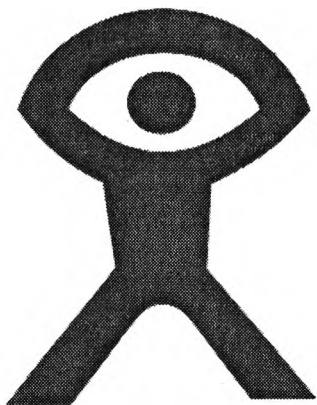

Проблемы воспитания, развития и бытия личности

Андрей Хвостов, Анна Иванова

Моральное сознание молодежи России

(на материале исследования молодежи Москвы и Кубани)

ВВЕДЕНИЕ

Как считает В.О. Рукавишников [1] с соавторами, Россия стремительно обретает многие черты, делающие ее похожими на современное западное общество. Отдавая должное представленному ими исследованию, в котором показана картина глобальных различий морального сознания между Россией и Западом, мы исходили из несколько иной парадигмы. Предметом нашего исследования также являлись кросс-культурные различия нравственной сферы, но в рамках самой России. Мы предполагали, что различия между отдельными субъектами России могут быть не менее значимыми, чем между странами, особенно государствами одной культуры (например, западной Европы). Такая гипотеза прямо предполагается исследованием И.Г. Дубова и А.А. Хвостова [2] в Карачаево-Черкессии, в котором было показано, что русские, проживающие в КЧР, показали принципиально иные результаты, чем все остальные этнообразующие национальности региона вме-

сте взятые. В нашем исследовании, однако, этнообразующей национальностью являются русские, анализируется их отличие от адыгейцев, составляющих этническое меньшинство в данном регионе. Большой интерес представляет и сравнение москвичей с указанными группами. До сих пор практически не было прямых сравнений нравственного сознания москвичей и жителей других регионов, хотя Москву часто (и справедливо) считают особым «регионом» России. Как столица она обладает особым статусом, является культурным центром мирового масштаба, находится безусловно под гораздо большим влиянием иных культур, чем остальная Россия в целом. Как и насколько это влияет на моральное самосознание, насколько москвичи отличаются от русских же в самой России, в российском (а не кавказском или ином) регионе — этот вопрос представляет особый интерес.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Вопросы кросс-культурных сравнений.

Количественный анализ

Качественный анализ

Как считает К.М. Гуревич [3], основные цели сравнительных исследований заключаются в том, чтобы фиксировать и описывать в упорядоченном виде психологические различия как между людьми, так и между группами людей, объединенных по каким-нибудь признакам. Во всех случаях приходится упорядочивать полученный материал: расположить данные в определенной последовательности, например, по убыванию или возрастанию полученных результатов.

Методология данного исследования предполагала не только эмпирическую модель исследования — сравнение количественных показателей. Я.А. Пономарев [4] и многие другие авторы считают, что феноменологические знания также обладают большой ценностью. Они, с одной стороны, являются фундаментом для сравнений, основой большинства наук. С другой стороны, они вполне пригодны и для сравнительных исследований. По мнению К.М. Гуревич [5], в некоторых случаях достаточно описать признак и убедиться в его представленности. Центр тяжести доказательства перемещается в подобных ситуациях в другую плоскость: нужно установить не уровень выраженности признака, не степень его отличия от уровня, наблюдающегося у других людей, а прежде всего подметить, обнаружить данный признак как таковой. Если удастся это сделать, то никаких других показателей для диагноза не требуется. Диагностика, целью которой является только об-

нарушение определенного признака (констатация: есть — нет), отличается от диагностики, направленной на то, чтобы установить пункт нахождения отдельного испытуемого на оси континуума выраженности признака. Так, например, совершенно неоправданной будет попытка количественно диагностировать отношение к, скажем, проблеме клонирования среди первобытных племен; трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет.

Одним из вариантов качественного анализа может считаться типологический подход, в котором исходят из постулата, что тип личности является целостным образованием, не сводимым к комбинации отдельных личностных факторов. Типы объединяют группы похожих испытуемых и составляют иной набор объяснительных понятий, где в качестве имени понятия выступает название соответствующего типа, а содержание раскрывается описанием типичного (или усредненного) представителя [6].

Применительно к нашему исследованию это предполагает несколько возможностей сравнения. Во-первых, простое сопоставление данных разных этносов по каждому из использованных дескрипторов. Таким образом можно получить данные о специфике моральных мотивов в этносе в целом, о характерных особенностях решения моральных конфликтов и т.д. Причем результат получается не просто описательный, а приводится в сравнении с данными другого этноса. В данном случае мы располагаем группы (этносы) в некоторых континуумах, показываем их отличие или сходство.

Однако второе направление — типологический подход — дает возможность качественного анализа, или диагностики наличия некоторого признака (здесь — типа) как такового. Так, например, исходно совершенно не исключается возможность того, что в каком-то этносе будет обнаруживаться три типа морального сознания, в другом — четыре, причем один из них качественно новый. **Типы** морального сознания в разных этносах теоретически вообще могут полностью отличаться.

Итак, в исследовании используется два основных направления сравнения морального сознания: 1 — количественное сравнение по отдельным дескрипторам; 2 — качественное сравнение выделенных в каждом из этносов типов.

Указанные подходы часто используются для сравнения межгрупповых (в том числе и межэтнических) различий, хотя приоритет остается за первым; типологический подход используется гораздо реже и только в рамках одной социаль-

Результаты сравнительных исследований морального сознания.

Межэтнические различия

ной (или этнической) группы. (Скорее всего, это объясняется большой трудоемкостью обработки результатов.)

Как указывает В.О. Рукавишников с соавторами [7], различия между россиянами и жителями стран Запада в гражданской морали достаточно малы. Однако между россиянами и их западными соседями есть существенные различия в том, что касается морали в частной сфере. В своих личных моральных кодексах россияне проявляют больше либерализма (за исключением отношения к сексу с несовершеннолетними и к гомосексуализму).

Если диагностировать отношение не только к поступкам, но и к мотивации, то чисто количественных отличий россиян от граждан США также не обнаруживается. Так, в исследованиях А.А. Хвостова [8, 9] было показано, что по уровню развития социоморальной рефлексии (термин предложен авторами методики, по которой проводилось исследование [10]) указанные этносы практически не отличаются. При этом сходные результаты показывают все возрастные групп начиная с 10-летнего возраста. Однако, если отойти от количественных показателей, то наблюдаются качественные, или феноменологические отличия. Так, у россиян отсутствуют некоторые категории моральных суждений (например, учет прав другого человека), характерные для американцев, и имеются собственные, гражданам США не свойственные (так называемая «житейская» мораль в виде поговорок). Иначе говоря, можно констатировать, что некоторых свойств в том или ином этносе нет, о количественном сравнении говорить уже не приходится.

Сходные данные были получены и при сравнении этносов России. Так, проведенное О.П. Николаевой [11] исследование структуры морального сознания московских и якутских детей в возрасте от 7 до 12 лет продемонстрировало целый ряд особенностей, обусловленных различными культурными традициями и социальными условиями. Данные по московской и якутской выборке испытуемых различаются не только между собой, но и в сравнении с данными Ж. Пиаже, полученными на швейцарских детях той же возрастной группы. Моральное сознание отечественных испытуемых кардинальным образом отличается от морального сознания испытуемых Ж. Пиаже уже с момента возникновения первичных, генетически исходных моральных норм.

Указанные примеры достаточно хорошо показывают, что межэтнические различия далеко не всегда выражаются количественно; а количественные сами по себе могут говорить о различиях только в определенной сфере мо-

рального сознания. Достаточно очевидны с самого раннего детства качественные особенности.

Деление, или распределение на группы, воплощается в двух формах — классификация и типологизация. Первая форма — классификация — предполагает оперирование жесткими понятиями, соблюдение определенных требований. Это, по мнению А.А. Ивина [12], одно основание, соразмерность (исчерпываемость), взаимоисключаемость членов деления, непрерывность и т.д. Обобщенно, классификация — это многоступенчатое (иногда дихотомическое) разветвленное деление. Однако А.А. Ивин говорит и о том, что наиболее сложным объектом для классификации является человек, и о том, что не следует быть излишне придирчивым к классификации того, что по природе не поддается этому делению.

По мнению М. Оссовской [13], типология, как форма деления, не обязана удовлетворять требованиям, предъявляемым к классификации. Она может быть неисчерпывающей и может содержать пересекающиеся деления. Выделяя какой-либо тип, объекты исследования упорядочиваются по степени их приближения к этому типу. Таким образом, использование типов также позволяет упорядочивать действительность, хотя и иначе, чем это имеет место в случае классификации.

Этот вариант задачи может ставиться следующим образом: имеется многомерное психологическое описание выборки испытуемых и требуется осуществить их разделение на однородные группы, т.е. такое разделение, при котором в составе выделенных групп оказались бы испытуемые, похожие по психологическим характеристикам.

Например, И.Л. Зеленкова и Е.В. Беляева [14] выделяют **«конформистский»** тип, для которого высшей ценностью является чувство общности с социальной средой. **«Религиозный»** приходит к нравственности не коллективно, индивидуально, он исповедует нравственность перед лицом Бога. Типы, выделяемые другими авторами, имеют иные высшие моральные ценности. Так, М. Оссовская [15] описывает **«буржуа»**, для которого главное — накопительство, и **«рыцаря»**, ведущим мотивом которого является сохранение собственного достоинства.

Если рассмотренные типы выделялись на основе ведущих моральных ценностей, то в некоторых типологиях учитывается и то, как человек достигает цели. Авторы теста **«Этический стиль»** [16] считают, что один из наиболее важных, но мало учитываемых аспектов этики — различия именно в этических стилях. Так, **«привязанный к пра-**

вилам», мыслит и действует на основе правил и принципов, при вторичном внимании к внешним обстоятельствам и исключениям из правил. **«Интуитивный»** принимает решения на основе «совести» без размышлений, аргументации или оснований, интеллектуальная обоснованность которых видна сразу. **«Эмпатичный»** следует чувствам, в частности симпатии и состраданию. «Поставьте себя на чужое место» — *modus operandi* сентиментального стиля.

Однако все указанные типологии эмпирической проверки не проходили. Были выведены умозрительно, исходя из интуитивных представлений о типах морального самосознания. При этом следует отметить, что еще М. Вебер [17] (также выделявший типы ориентаций исключительно на ценности, эмоции, традиции или рационализм) отмечал, что «идеально» выстроенная система, как правило, не более чем абстракция, а в большинстве случаев мы имеем дело с комбинацией ориентаций. Если говорится о высшей ценности какого-либо типа, то, скорее всего, подразумевается не полное доминирование, а превосходство определенного мотива над другими, не абсолютная ортодоксальность при решении моральных конфликтов, а относительная.

Эмпирические типологии

Все они были построены на основе экспериментов, а не выведены умозрительно. Из отечественных работ следует отметить типологию Л.В. Темновой [18], которая на основе характеристик решения нравственных задач выделяет три типа: **ортодоксальный** (безапелляционный, где человек придерживается одного пути решения), **«колеблющийся»** (обсуждающий попеременно различные пути решения) и **«уходящий»** от решения. Хотя схема решения во многом детерминирована не только личностными особенностями, но и самой проблемной ситуацией.

Также следует отметить исследование С.П. Парамоновой [19], которой были выделены следующие типы морального сознания (приводятся некоторые). **Коммюнитарист** — тип морального сознания, характеризующийся приоритетом коллективистских ценностей над индивидуальными. **Прагматик** — деятельный тип, чаще всего в общественном и личном соотносится с получением непосредственной пользы.

А.А. Хвостов [20] выделяет четыре типа (выделяются уже в 15–16 лет), один из которых — чисто женский, остальные (конформисты, гуманисты, «дарвинисты») некоторым образом сходны с типами С.П. Парамоновой. Л. Колберг [21] — только два, при этом они характерны только на зре-

лом уровне развития морального самосознания. (Один из них характеризуется большей ориентацией на идеальную взаимность в отношениях, он универсалист в оценках, совестливее другого типа.)

Рассмотренных примеров вполне достаточно, чтобы сказать, что авторы исходят из разных парадигм исследования и строят типологии (в том числе и эмпирические) на разных основаниях. Таким образом, некоторые типы одних авторов часто не имеют явных аналогов у других. Хотя есть и явные соответствия. Так, тип «В» Л. Колберга (условно — «совестливый») аналогичен «гуманистам» и «самоотверженным женщинам» А.А. Хвостова и коммунарсту С.П. Парамоновой. Поэтому, предлагая собственную типологию нравственного самосознания, необходимо прежде всего определить методологические и методические принципы, показать их место среди других подходов.

Принципы сравнений

В представленном исследовании, как уже указывалось выше, используется два основных направления межэтнических сравнений.

Первое — количественное сравнение этносов по отдельным дескрипторам; для математической обработки используется Т-критерий Стьюдента.

Второе — качественное сравнение выделенных в каждом из этносов типов. При этом используется эмпирический подход — разделение испытуемых на незадаанные группы. Здесь следует подчеркнуть, что данное исследование отличается от приведенных в обзоре тем, что одновременно строится типология в нескольких этносах.

Если во всех указанных работах типы выделялись в границах одной этнической группы, то здесь — сразу в нескольких. Иными словами, мы не выделяем типы исходно на русском этносе, а потом «подгоняем» адыгейцев под полученную типологию. Исходно выдвигается иная гипотеза — в разных этносах могут существовать как сходные, так и различные типы морального самосознания.

Эта гипотеза соответствует позиции А.И. Титаренко [22], который говорит о том, что «...различные типы социальных отношений... вызвали к жизни и разные, *качественно-своеобразные...* структуры нравственного сознания». Фактически он утверждает существование *типов структуры*. Для нашей работы это положение принципиально важно, поскольку оно допускает существование разных типов нравственного самосознания в разных этносах. Важно и предположение, что типология, скорее всего, может быть построена именно на особенностях структуры

Проводится впервые

нравственного сознания, а не на основе одной или нескольких категорий.

По существу, **проверка данной гипотезы** (по крайней мере, применительно к моральному самосознанию) **производится впервые**; ни в одном из упоминаемых исследований отечественных или зарубежных авторов подобный подход не применялся.

Обоснование выбора конкретной модели статистической обработки выходит за рамки методологических. Ниже представлена основная идея группировки испытуемых на незаданные типы.

Для решения этой задачи используются методы автоматической классификации. Они позволяют производить объективную классификацию испытуемых по большому набору признаков и основываются на гипотезе «компактности». Если представить каждого испытуемого в виде точки в многомерном пространстве признаков, то естественно предположить, что геометрическая близость точек в этом пространстве указывает на похожесть соответствующих испытуемых.

Методы автоматической классификации дают возможность получать сокращенное описание распределения испытуемых путем выделения их скоплений в пространстве исследуемых признаков.

Под структурой множества испытуемых в этом случае понимается взаимное расположение этих скоплений, их размеры и число испытуемых в каждом скоплении. В результате разбиения множества испытуемых на типы, соответствующие скоплениям похожих испытуемых, получаем описание распределения испытуемых в терминах выделенных типов. В этом случае каждый испытуемый характеризуется уже не исходным набором признаков, а принадлежностью к тому или иному типу.

Если типы выделяются хорошо, то принадлежность испытуемого к некоторому типу характеризует и положение испытуемого в исходном пространстве признаков, хотя и более грубо, чем его задание набором признаков.

МЕТОДИКА

За основу была взята методика А.А. Хвостова, которая прошла апробацию на московской выборке и демонстрировала хорошие психометрические показатели; главным образом здесь стоит отметить, что с ее помощью удавалось выделить четыре типа морального сознания, качественно отличных, хорошо интерпретируемых. При этом выделен-

ные типы находят аналоги в типологиях других авторов, как теоретических, так и эмпирических.

Полное описание методики, теоретических основ, принципов конструирования и т.д. занимает столько места, что заинтересованному читателю предлагаем обратиться к соответствующим статьям автора [23, 24]. Обобщенно, методика состояла из двух блоков вопросов: в первом предлагалось решить некоторую неоднозначную в моральном плане ситуацию (типа «нельзя (или надо) украсть лекарство для умирающего»), во втором — выразить свое согласие или несогласие с тем или иным моральным принципом (типа «Бороться со злом надо его средствами...»). Здесь стоит указать только то, что из исходно использованных 100 дескрипторов было отобрано 55, которые в максимальной степени дифференцировали испытуемых на типы. В блок «моральные дилеммы» было введено 2 новых дескриптора, некоторые исходные были скорректированы. Однако мы использовали новый блок вопросов.

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ В МОРАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

Этот аспект проблемы рассматривается в связи с остальными категориями морального самосознания (ценностями, дилеммами) впервые, поэтому мы считаем целесообразным подробнее остановиться на рассмотрении этого понятия. Рассматривая социальные нормы и их роль в моральном сознании, следует прежде всего дать определение феномену. Такая необходимость обусловлена тем, что определения социальной нормы формулируются представителями разных наук и сторонниками разных школ и направления в рамках отличающихся, а иногда даже противоположных по направленности концепций. Это является причиной разногласия в определениях термина норма вообще и социальная норма в частности. Однако как бы ни отличались эти определения, общим у них является то, что в каждом прямо или опосредовано фиксируется способность норм выступать в качестве регуляторов человеческой деятельности. Однако в социальные нормы включается очень широкий спектр понятий — от моральных норм на грани нарушения закона (типа «не обманывать») до норм этикета и вежливости (типа «здороваться при встрече»). В социальные нормы включают и обрядово-традиционные формы поведения, и нормы узкопрофессионального поведения. Очевидна необходимость определения того, что является конкретным предметом нашего исследования.

Как считает Н.И. Сидоренко [25], идеалы, принципы и нормы отличаются друг от друга функциональным назначением. Если идеал как нормативное образование лишь приблизительно очерчивает границы желательного, то принципы служат определенными границами и вместе с тем необходимыми основаниями достижения желательного. В иерархии этих требований идеалы занимают высший уровень и выступают своеобразной формой разрешения противоречия между должным и сущим, принципы — промежуточный, а нормы — низший.

Тем не менее не следует уравнивать их значение в системе нормативного содержания. Например, идеалом может быть цель построения гуманного общества, принципами — добросовестное отношение к труду, уважительное отношение к людям, а конкретными нормами предписания типа «быть пунктуальным в делах», «здороваться с сотрудниками» и т.д. Очевидно, что представленные принципы и нормы вполне подходят ко многим идеалам, в том числе и противоположным. (Как не вспомнить пунктуальность и обязательные приветствия фашистов.)

Социальные нормы, как считает О.Г. Дробницкий [26], можно условно разделить на две основные категории. Первые — институциональные нормативы, в них функции регуляции отделены от самой практики исполнения нормы, вынесены в особую сферу деятельности специальных учреждений и лиц.

Иную природу имеют неинституциональные нормы (примером которых могут быть обычно-традиционные и нравственные). Они формируются в самом процессе совместной жизнедеятельности людей и массового общения. Поэтому здесь нет характерного для институциональных нормативов разделения на субъект и объект регулирования; общность, вырабатывающая и санкционирующая норму, обычно и является той общностью, которая эту норму исполняет. Хотя институциональные нормы представляют безусловный интерес для психологических, педагогических и социальных исследований, предмет нашего исследования — неинституциональные нормы.

Социальными нормами иногда называют так называемые нравы [27]. Нравы нередко понимают просто как реальное поведение людей, как непосредственное воплощение моральных требований в человеческих поступках, как мораль в действии. Хотя такой подход и схватывает некоторые особенности нравов, он игнорирует то важное обстоятельство, что поведение людей производно не только от их моральных убеждений, но и от множества других, внемор-

Нормы «в законе» и вне закона

Нравы. Нормы сложные и простые

ральных мотивов. Нравы гораздо разнообразнее, нежели моральные нормы и их непосредственные проявления и деятельности людей; мораль — это одна из составных частей нравов.

С одной стороны, под социальными нормами могут пониматься требования, задающие некоторые должные варианты образа жизни, деятельности, поведения [28]. С другой — тем же термином могут обозначаться нормы деликатности и тактичности [29].

Условно назовем первую группу социальных норм сложными нормами, как это предлагается Т.С. Лапиной [30]. В отличие от простого правила более сложная норма моделирует уже не отдельные действия, а образ поведения, тип поступка, жизненный принцип. В такой норме предписание выражено в более обобщенной форме, чем в элементарном правиле.

Так, сложная норма может предписывать мужчине помогать женщине и ее материально обеспечивать, но от более конкретных указаний (когда, в чем помогать, насколько обеспечивать и т.д.) она уклоняется. Конкретная (или простая) норма может определять, что женщине следует помочь с тяжелой физической работой, но с мытьем посуды — нет. Сложные нормы иногда определяют и как нормы — ценности [31] и нормы общежития. Среди простых норм выделяется полунормативная сфера деликатности и тактичности. Конечно, все «простые» нормы к вежливости не сводятся; есть специфические нормы поведения в производстве, личной гигиене, моде и т.д., обладающие многими, если не всеми характеристиками простых норм. Однако анализировать их сходство и различие в полном объеме не представляется необходимым.

Нормы тактичности

В.А. Блюмкин [32], анализируя проблему, указывает на то что «добродетели обхождения» — есть видимость добродетели, любезность может быть льстивостью. С другой стороны, Л.Б. Волченко [33] полагает, что такие характеристики как вежливость, деликатность, тактичность, не укладываются в какие-либо нормативы и характеризуют не только «умение вести себя в обществе». В них фиксируются способности людей считаться с интересами и потребностями других; они, безусловно, предполагают ответственность человека за последствия своих действий. Этими понятиями характеризуют стиль поведения и морально-психологический тип личности, а не столько манеры и социально-ролевой тип. Их содержание связано общей моральной ориентацией личности, с ее морально-эмоциональной восприимчивостью к окружению, чувст-

вом меры. Таким образом, связь тактичности и морали трактуют противоположно, по крайней мере, расходятся в мере связи обходительности и нравственности.

Психологический механизм действия этих норм не совсем понятен. Они с трудом детерминируются страхом наказания, или ожиданием поощрения. Можно предполагать идентификацию с человеком или группой и усвоение соответствующих норм, но для усвоения этих алгоритмов требуется развитая рефлексия и высокий уровень социальной наблюдательности [34]. Многие нормы как бы утрачивают реальность своего содержания и лишь подразумеваются, а модели диктуемого ими поведения молчаливо и бессознательно принимаются всеми. «И именно потому, — пишет Т. Шибутани [35], — что так много важных норм лишь подразумевается, посторонним часто трудно освоиться в новой для них группе».

Также довольно сложно предполагать исключительно ценностную (моральную) мотивацию, поскольку речь идет об очень тонких и неоднозначных вещах. Например, довольно сложно морально отнестись к такой норме как «по-дружески обнимать кого-то на работе». Внутренний запрет может быть обусловлен мотивом невмешательства в «личностное пространство», но побуждение — стремление выразить свою радость при встрече, поздравлении и т.д. Поэтому одни и те же формы поведения (например, когда кто-то обращает внимание на непорядок в вашей одежде) вызывают противоположные реакции — одних раздражает, других — нет, соответственно и допустимы или нет.

Изучение подобных поведенческих установлений практически не ведется. Причины этого непонятны, поскольку знание о столь тонких требованиях к поведению способно серьезно помочь интеграции любых субъектов и в том числе представителей иных культур, в элитарные круги данной культуры. Однако работ на эту тему крайне мало; в отечественной же литературе они почти полностью отсутствуют. Основное внимание сосредоточено на иного типа нормах, которые описаны выше и определяются исследователями как «сложные», нормы общежития, моральные, нормы-ценности. Следует отметить, что основой данной работы и типологии также было совмещенное исследование моральных норм и принципов и указанных «сложных» норм (хотя они и предъявлялись как моральные дилеммы). Однако, понимая недостаточную изученность проблемы норм вежливости и тактичности, именно они были выбраны одним из предметов нашего исследования.

Обобщенно, в исследовании была предпринята попытка описания отношения к формально не регулируемому поведению в межличностном общении, которое определенным образом ущемляет других людей, является некоторым образом вторжением в их индивидуальное психологическое и физическое пространство. При этом впервые предпринимается попытка установить связь между тактичностью и собственно моральными ценностями и принципами и нормами более высокого уровня.

Отбор социальных норм проводился на основе опыта исследования И.Г. Дубова [36]. В данном случае из 81 использовавшегося вопроса был отобран 21 вопрос. (Следует отметить, что вопрос в указанном исследовании ставился так: «Насколько Вас раздражает, когда...» и предлагалась шкала ответов от «крайне раздражает» до «совершенно не раздражает». В нашем же исследовании задавался вопрос «Насколько допустимым Вы считаете для себя следующие поступки...») Однако была сделана попытка хотя бы приблизительно определить вопросы, потенциально максимально дифференцирующие типы. Для этого применялись две процедуры. Все они проводились на выборке молодежи (до 35 лет — 346 испытуемых). Первая состояла в вычислении стандартного отклонения. Были выделены вопросы с относительно низким показателем, например третий и четвертый вопросы имели значение 1,2 и 1,22. В это же время вопросы 21-й и 33-й имели соответствующие значения 2,05 и 2,19; именно они, скорее всего, могли лучше всего дифференцировать испытуемых по типам, хотя для сравнительных исследований лучше использовать вопросы с наименьшим «разбросом мнений». Однако окончательный отбор проводился с учетом факторного анализа. Ниже приводится фрагмент решения методом главных компонент с варимакс-вращением.

1 фактор:

- ,671 когда вы слышите на улице матерные слова;
- ,669 когда кто-то справляет нужду на улице;
- ,668 когда бросают мусор на тротуар;
- ,522 когда в метро грызут орехи, семечки;
- ,512 когда употребляют крепкие выражения, такие, как «к чертовой матери» «стерва» и другие;
- ,497 когда кто-то разговаривает вслух в кинотеатре;
- ,459 когда кто-то при вас пользуется зубочисткой.

2 фактор:

- ,765 когда кто-то высмеивает религиозные чувства в присутствии верующего
- ,743 когда кто-то высмеивает какие-то национальные черты в присутствии человека этой национальности;
- ,429 когда у вас выясняют ваши религиозные убеждения.

Хотя главным показателем при отборе было стандартное отклонение, приоритет при близких значениях отдавался дескриптору, имеющему больший вес по фактору, хотя в равной степени представлять все факторы задача не ставилась.

В окончательный набор «социальных норм» также были введены 4 дескриптора, два из которых — новые, 2 использовались ранее как моральные дилеммы, но таковыми в реальности не оказались. (Так, предполагалось, что «занизить ученику оценку за плохое поведение» может быть как недопустимым для одних, так и важным для других. Однако все типы испытуемых сочли это и еще одно действие недопустимым, дифференцировала типы только степень «недопустимости — сомнительности».)

Всего было опрошено 299 московских студентов старших курсов (4–5) разных специальностей. В Краснодаре также опрашивались студенты соответствующего возраста; русских — 123 человека, адыгейцев — 104 человека. В каждой группе практически поровну представлены мужчины и женщины.

ОБЩИЕ РАЗЛИЧИЯ: МОСКВА — КРАСНОДАР; РУССКИЕ — АДЫГЕЙЦЫ

Различий между москвичами, русскими и адыгейцами Краснодара довольно много, однако все они не настолько велики, чтобы говорить о явных принципиальных различиях. Например, москвичи на «середине пути» от сомнений до согласия с тем, что достоинство человека определяется в первую очередь его порядочностью, русские студенты Краснодара с этим скорее согласны, и на перепутье от согласия условного до абсолютного — адыгейские студенты Краснодара. (Для простоты обозначим эти группы условно как «москвичи», «русские» и «адыгейцы».) Поэтому можно говорить лишь об относительно тонких различиях; кардинальных расхождений в моральных принципах, в решении моральных конфликтов, в отношении к нормам тактичности практически не обнаруживается. Тем не менее по большинству позиций выявляются статистически значимые по Т-критерию Стьюдента различия. Именно они являются основой нашего описания «обобщенных» москвичей, русских и адыгейцев.

От «московских хамов» к «адыгейским леди и джентльменам». Мы начнем наше описание с самой простой части — с отношения к нормам вежливости и тактичности. Здесь выявляется однозначная тенденция: москвичи во

всех случаях относятся к соответствующим правилам поведения с большей свободой, чем русские, и еще строже в правилах «общезития» адыгейцы.

Так, в указанном направлении (москвичи — русские — адыгейцы) снижается (значимо на 1% уровне; это различие фиксируется между всеми группами — москвичами и русскими, русскими и адыгейцами) допустимость многих проявлений. Все менее допустимым становится употребление крепких выражений, откровения с малознакомыми, поцелуи на улице или в метро (здесь различия особенно выражены; если москвичи считают это близким к допустимому, то адыгейцы — близким к абсолютно недопустимому, русские занимают промежуточную позицию), та же тенденция с анекдотами на сексуальную тему, с возможностью интересоваться сексуальной жизнью у друзей (подруг). Хотя все считают скорее недопустимым просить в гостях еще спиртного, но русские и адыгейцы в этом вопросе также последовательно строже. Как видно, в вопросах тактичности в отношении интимной жизни нравы в указанном направлении все более строги.

В других отношениях общая тенденция сохраняется, но уже не столь выражена между группами. Так, москвичи и русские одинаково (иногда допустимым) считают просить у друзей поносить или попользоваться какой-либо вещью, адыгейцы строже. Хотя москвичи и русские явно отрицательно относятся к шуткам по поводу религии в присутствии верующего, адыгейцы еще строже, то же касается приходу в гости без предупреждения, к интересу к доходам сотрудников, попыткам познакомиться на улице, к разговорам о смерти за столом. В одном случае мнение студентов Краснодара общее — они менее москвичей допускают дружеские объятия на работе, в одном — совпадает мнение москвичей и адыгейцев по поводу обращения внимания на непорядок в одежде, но менее тактичным полагают это русские. Однако общая картина остается в целом прежней — при в целом одинаковом отношении к нормам вежливости и тактичности, по многим вопросам более строгую позицию (по сравнению с москвичами) занимают русские и еще строже — адыгейцы.

Моральные принципы. Здесь однозначной тенденции не прослеживается; москвичи часто сходны с адыгейцами, но отличаются от русских, жители Краснодара от москвичей и т.д. Поэтому особенности каждой группы описываются отдельно, в терминах ее сходства и отличия от остальных.

Москвичи, как указывалось, на «середине пути» от сомнений до согласия с тем, что достоинство человека определяется

в первую очередь его порядочностью, при согласии остальных, ближе к сомнениям и относительно того, стоит ли стараться делать добро, позиции, что нравственность сама по себе немного стоит; остальные — «за» то, что стоит (делать добро и т.д.). Удовольствия от собственных добрых дел москвичи также получают меньше остальных, и залогом счастья нравственность также особенно не считают. Иными словами, москвичей отличают принципиальные сомнения в необходимости нравственного поведения; ко всем представленным вопросам их отношение близко к неопределенному, тогда как жители Краснодара признают роль морали.

Адыгейцы

Адыгейцы отличаются методологией — ярко выражен принцип талиона («око за око») и так называемый взаимобмен услугами. При сомнениях или скорее отрицательном отношении всех русских (Москвы и Краснодара), они, скорее, за то, чтобы бороться со злом его средствами, с людьми поступать так, как они — добро за добро, «око за око», если люди ведут себя безнравственно, с ними приходится вести себя также, и нельзя быть добрым с теми, кто понимает только силу. Вообще, не все люди достойны того, чтобы с ними церемониться. Но при этом они значительно больше других (особенно москвичей) уверены в том, что достоинство человека определяется именно порядочностью. И следует вести себя порядочно, поскольку все ждут этого друг от друга (в определенной степени здесь также выражен принцип взаимобмена).

Русские

Русских студентов Краснодара выделяет внутренний локус-контроля (ответственность за свои качества и действия). Они против того, что человек свободен и ответствен только перед собой (при общих сомнениях), против того, чтобы переложить вину за свои качества на природу (генетику), сомневаются, что каждый может решать вопрос добра и зла (что хорошо, а что — плохо). И они менее других склонны считать, что нравственность никого счастливее не делает. В остальном выраженных отличий не наблюдается. Обобщенно, их отличает отрицание самоопределения в морали.

Моральные конфликты. Однако в вопросах решения моральных конфликтов (дилемм) дело обстоит не так однозначно, в некоторых случаях выделенные группы занимают противоположные точки зрения.

Москвичи

Москвичей отличают большие сомнения (при отрицательном отношении остальных) в том, что нельзя покупать вещь сомнительного происхождения, переложить при случае вину на другого (если его трудно «поймать за ру-

ку»), скрыть на суде сведения; в решении вопросов, близких к криминалу, они не очень церемонятся. Но они занимают и более «сомнительную» позицию при решении того, можно ли записывать тайком беседу, открыть стол в отсутствие сотрудника, наказать человека строже, чем положено, негативно высказываться о другом «за глаза». Они даже, скорее, за то, чтобы симулировать при необходимости, и спорить на деньги, заранее зная о своем выигрыше. Отношение к жизни у них также не «на высоте» — большие сомнения в том, нужен ли аборт, если семья в тяжелом положении, можно ли отстреливать бродячих Шариков, проводить опасные эксперименты на людях, они, скорее, готовы на прямое убийство при самообороне. Да, они скорее за то, чтобы управлять автомобилем в нетрезвом виде, если надо, срочно доставить больного, но это их, в рамках сказанного, никак не определяет.

Адыгейцы

Адыгейцы в некотором отношении явно отличаются от москвичей и русских; они категоричнее против негатива «за глаза», против выселения бомжей из пустующих помещений, против увольнения многолетнего с работы даже для пользы дела. Но они, с другой стороны, обиды прощать совсем не склонны (в отличие от русских в целом), и если категоричнее других против аборт в семье, то также одностороннее за них у больных СПИДом и психически больных. (В понятие «моральной коммуны» — объектов, на которые распространяются моральные принципы, — тяжёлые больные у них явно не входят.)

Русские

Русские выделяются своим отношением к утаиванию сведений на суде (для них это менее допустимо, чем для остальных), то же отношение выделяет их при вопросе о возможности работать на любимой, но мало оплачиваемой работе, если семья в тяжелом положении. Скорее, сомневаются, подсказывать ли коллеге на экзамене, хотя остальные — «за». Других отличий нет, в некоторых случаях занимают «промежуточное» положение между москвичами и адыгейцами, в чем-то сходны с теми или иными.

Сходство. Все группы сходны в том, что считают, скорее, важным работать, если нет необходимости зарабатывать деньги, при этом в целом против того, чтобы заявить выгодное фирме мнение, которое противоречит их точке зрения как профессионала. Все, скорее, за то, чтобы применять пытки к террористу, если необходимо узнать о месте заложённой бомбы, но готовы и пойти на компромисс с ним (даже отпустить), если это спасет жизнь невиновных.

С другой стороны, все группы близки относительно некоторых норм вежливости и деликатности. В равной степени никто не считает особой бестактностью звонить кому-то домой по служебным вопросам, относительно (иногда) допустимыми признаются такие формы поведения как замечания детям в присутствии их родителей, просьба взаймы под проценты и высказывания правды против желания человека ему в глаза. В равной степени недопустимым (почти никогда; между иногда допустимо и совершенно недопустимо по шкале оценки) признаются рассказы на работе о своих неприятностях, использование на работе же личной чашки кого-либо из сотрудников. Очень сходно (такое же отрицательное) отношение к несправедливости — к занижению ученику оценки за плохое поведение.

Моральные принципы также в чем-то сходны, хотя здесь сходство во многом в неопределенности позиций. Так, все группы затрудняются ответить, насколько важно, чтобы не было стыдно перед собой, а не перед другими, насколько важно вести себя так, как принято, даже если с этим не согласен, насколько мораль — дело вкуса, и каждый может поступать по интуиции. Таким образом, к конформизму отношение не сложилось — ориентироваться на себя или мнение других и принятые нормы — студенты для себя еще не определили. Хотя все в равной степени скорее считают, что каждый сам может решать в терминах деонтологии (долга) — что и кому он должен, но и здесь позиция не выражена.

Очень много сомнений относительно «природы» морали вообще. Ни явного согласия, ни отрицания того, что мораль часто меняется и поэтому нельзя судить о добре и зле никем не выражено. То же самое касается утверждения о человеческой морали вообще (люди считают моральным то, что им выгодно, в частности нравственно то, что полезно власти, а мораль — пропаганда).

Оправдывает ли цель средство и необходимо ли иногда зло? Хотя на этот вопрос скорее положительный ответ (но очень близкий к неопределенному), но на сходные ответы скорее отрицательные. Так, все сомневаются, что прав тот, кто добивается успеха, а не неудачник с его принципами, и уже довольно определенно склоняются к отрицанию того, что главное — результат, а не следование моральным принципам и правилам.

Москвич. Итак, москвич в целом весьма непригляден по сравнению с остальными группами. Он, что называется, «распущеннее» остальных, особенно в проявлении чувств. Допустим, что по внешним проявлениям трудно судить о

нравственности, но москвич сомневается в ее важности. И хотя прямо не говорит о том, что «цель оправдывает», но реально гораздо больше готов к всевозможным неприглядным (иногда на грани нарушения закона) поступкам.

Адыгеец. Строже всех относится к соблюдению норм тактичности. Выражены принципы «взаимности» в нравственности и решении моральных конфликтов; просто так никого не трогать, но с врагом безжалостен. Скорее всего, делит людей на «своих» и «чужих»; на последних распространяются не все принципы, с ними можно вести себя не особо церемонясь.

Русский отличается ответственностью (менее других склонен перекладывать с себя вину), против самоопределения в морали. В вопросах тактичности занимает среднее положение между москвичами и адыгейцами, отличий в решении моральных конфликтов мало, и делать какой-либо вывод из них трудно.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Используя обобщенные образы, мы сталкиваемся с опасностью огульно объявить всех москвичей «аморальными хамми», адыгейцев — «мстительными джентльменами» русских — «ответственными товарищами». Всегда есть вероятность того, что часть москвичей занимает настолько экстремально «хамскую» позицию, что это определяет общий результат в целом, тогда как большинство ничем от русских в целом не отличается. Поэтому здесь мы сочли более чем оправданным типологический подход, который позволяет определить, все ли москвичи — аморальные хамы, или некоторая группа. Он позволяет определить, есть ли особенные типы среди москвичей, русских или адыгейцев. Для наглядного примера можно привести такой феномен как гемофилию — заболевание свертываемости крови. Сравнив показатели крови по этому критерию мужчин и женщин, мы можем не найти никакой разницы. Однако упустим ту очень немногочисленную группу (1 человек из 7500—8000), которая отличается полным отсутствием сворачиваемости крови, и представлена только мужчинами. Она может не вносить существенного вклада в статистические различия, но качественно выделяется. Так и в случае с моралью; даже в «нейтральной» русской группе теоретически может быть выделен особый тип, замаскированный общими показателями.

Основание типологии

Прежде всего мы сталкиваемся с проблемой, включать ли в основу типологии нормы тактичности. Если моральные дилеммы, как было показано в исследовании А.А. Хвостова [37], позволяют гораздо лучше, чем только моральные принципы, дифференцировать типы, то касается ли это норм? Они могут быть «шумом» и исказить истинную картину. Для решения вопроса о месте норм в структуре морального сознания в целом был предварительно (на данных 100 московских студентах) проведен факторный анализ.

И сразу стало очевидно, что нормы, во-первых, появляются только в четвертом факторе, таким образом, описывают очень небольшой процент дисперсии, по сравнению с моральными принципами (которые составляют весь первый фактор), и с моральными дилеммами (второй и третий факторы). Далее, как видно из факторной структуры, по чисто статистическим критериям они входят в 4-й — 6-й факторы с очень небольшой нагрузкой, таким образом, не являются смыслообразующими и в данном случае. По сути, они являются самостоятельными факторами № 7, 12, 16 и далее. В других случаях факторы, ими образуемые, не значимы.

Таким образом, основанием для типологии, равной по значимости моральным ценностям и дилеммам, они не являются. Они также не детерминируются в большинстве случаев каким-либо моральным принципом. Поэтому основанием для типологии они не использовались.

Методика статистического анализа

Для обработки результатов данных подростков использовался метод кластерного анализа Complete Linkage статистического пакета SPSS. (Методы Average Linkage и Ward дали в целом сходные решения). Дальнейший анализ заключался в группировке испытуемых по выделенным типам и сравнение каждого с остальными по Т-критерию Стьюдента. Далее представлены характеристики каждого из типов. Здесь не рассматриваются отличия одного типа от каждого другого, были выделены лишь те характеристики, по которым один тип значительно отличается от остальных. Как представляется, картина и на этом материале получается достаточно выразительная. Кроме того, здесь не всегда приводятся абсолютные значения, не анализируется иерархия мотивов; это чрезмерно перегружает описание. Иными словами, показаны отличительные особенности типов (достоверно значимые) без описаний их структур.

МОРАЛЬНЫЕ ТИПЫ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Мы сразу отказываемся от мысли привести дендрограмму кластерного анализа, поскольку она занимает более 500 строк. Попытаемся описать близость типов друг к другу. Все испытуемые делятся на две большие группы: в одну входят типы «ответственный товарищ» и «принципиальный гуманист». Вторую образуют «дарвинист» и «конформист». Особняком выделяется очень небольшой тип «адыгейский мужчина», который все же ближе ко второй группе. Впрочем, это результат чисто статистического анализа на сравнительно небольшой выборке, который вполне может корректироваться. В некоторых типах можно выделить явное деление на подтипы; приводится описание некоторых.

Московский тип

«Дарвинист» — преимущественно московский тип, в нем из сорока только восемь человек из Краснодара (русские и адыгейцы, среди них только одна женщина). Среди москвичей по 16 женщин и мужчин. От всех остальных они отличаются своими сомнениями в том, что достоинство человека определяется в первую очередь его порядочностью (остальные согласны). Их взгляды также отличаются большими сомнениями в человеческой благодарности — они не уверены, стоит ли делать добро, поскольку это не ценят и взаимностью не отвечают. Они более других способны на многие неблагоприятные поступки — негативно высказываться о человеке «за глаза», «подставить» другого при случае, если есть такая необходимость, для этого можно и записать беседу без уведомления собеседника. Могут спорить на деньги, заранее зная о своем выигрыше. Для них цель, скорее всего, оправдывает средство.

Без сомнений и упрека

Иногда может показаться, что они стараются не для себя, поскольку могут управлять автомобилем в нетрезвом состоянии, чтобы отвести больного, и украдут лекарство для умирающего. Однако обольщаться на их счет нельзя. Они могут проводить опасные эксперименты на людях, хотя и с их согласия. По их мнению, можно уволить многодетного человека, чтобы взять другого получше, на работе они залезут в чужой стол, если потребуется. К работе у них, скорее всего, особое отношение: они больше других склонны работать на любимой, но мало оплачиваемой работе, даже если семья в тяжелом положении. Хотя внешне, по тактичности и вежливости они ведут себя вполне прилично, ничем от остальных в массе не отличаясь, ни в худшую, ни в лучшую сторону.

Ранее этот тип (он стабильно выделяется на московских старшекласниках и студентах) получил название «хладнокровный эгоист-дарвинист». Он отличается, помимо всего и тем, что удовольствия от добрых дел не получает, безнравственность для него не так отвратительна, как для остальных, за это и получил определение «хладнокровный». И как оказывается, он в гораздо большей степени представлен москвичами, чем жителями Краснодара. Поэтому вполне правомерно приписать ему географическую координату — «дарвинист московский».

Анархия — мать порядка

Конформисты-фарисеи (151 человек). Принципы его отличаются, с одной стороны, анархичностью: человек ответствен только перед собой, свободен сам определять, что и кому он должен, и главное, чтобы не было стыдно перед собой, а не другими, поскольку мораль — дело вкуса, если вообще не этикет по сути. Поэтому можно следовать морали, которая тебе ближе, самостоятельно решать — что хорошо, а что плохо. Главное — вести себя так, как принято, даже если с этим не согласен. Мораль для них вообще в целом, скорее, порождение власти, которой это полезно, или людям, которые считают нравственным то, что выгодно им. На деле же нравственность никого счастливее не делает и сама по себе немного стоит. Поэтому главное результат, и цель оправдывает средство; в конечном счете прав победитель, а не неудачник с его принципами.

Я не виноват

Но при всей свободе к самоопределению эти граждане стремятся всеми возможными способами переложить ответственность за свои действия и качества на других — на генетику, на изменчивость морали, на само общество, которое их такими сделало. В частности, не они, а другие виноваты в том, что с ними не церемонятся.

Хамелеон

Однако их поведение, как в плане решения моральных конфликтов, так и тактичности, ничем особым не выделяется. Они практически всегда занимают «промежуточное» положение между другими типами. Они лишь немного более других считают допустимым вторгаться в чужую жизнь — приходить в гости без предупреждения, интересоваться у друзей сексуальной жизнью и при этом рассуждать о том, как надо себя вести.

Ранее этот тип был назван «конформистом-фарисеем», для которого главный принцип (по прежним исследованиям, но выделяется и здесь) — вести себя, как принято. Что он и делает, не занимая «крайних» позиций.

В этом типе выделяется три подтипа, один из них явно московский (50 из 57), другой с сильным адыгейским укло-

ном (24 из 57). Не рассматривая все три подтипа, опишем коротко те, которые отличаются «этничностью».

Отличительными характеристиками московского конформиста можно назвать то, что он меньше других считает порядочность основным достоинством, уверен в том, что нравственное поведение немного стоит, поскольку мораль — пропаганда — и в этом он отличается от адыгейского. Москвич сомневается, стоит ли делать добро, адыгеец — «за» (стоит), он к этому же получает и сравнительно большее удовольствие от того, что доставил радость другому. У адыгейцев более выражены принципы «цель оправдывает», признание морали этикетом, делом вкуса. Отличия в принципах, как видно, незначительные.

С другой стороны, моральные конфликты москвич и адыгеец при одних в целом моральных позициях решают часто прямо противоположно. Если москвич за то, чтобы утаить сведения, выгодно купить вещь сомнительного происхождения, «подставить» человека, тайно записать беседу, покривить душой ради фирмы, симулировать, несправедливо наказать, уволить многодетного для дела, нетрезвым управлять автомобилем при необходимости, то адыгейский конформист явно против. Московский будет работать на любимой работе, если даже тяжело, адыгейский нет. Отношение к жизни у московских также менее гуманно в принципе; они за отстрел животных, эксперименты на людях, адыгейцы против. Но при этом адыгейцы мстительнее и не так склонны прощать обиды. В целом адыгейцы против негативных высказываний «за глаза», влезания в стол сотрудников, ряда других действий. Но больших отличий в тактичности немного. «Москвич» из основного типа вообще не выделяется, «адыгеец» больше склонен к соболезнованиям по своей инициативе, но тактичнее в интимных вопросах — менее допускает поцелуи в общественных местах, дружеские объятия, анекдоты на сексуальные темы, не спрашивает о сексуальной жизни у друзей (по-друг), не мешает звонками по служебным вопросам.

«**Адыгейский мужчина**» очень небольшой — в нем только шесть мужчин (женщин нет), все они адыгейцы. Но он явно отличается от всех остальных (даже при такой малой численности значимо по многим параметрам), и игнорировать его нельзя. Он, как указывалось выше, ближе описанным выше группам, особенно дарвинистам, чем остальным типам.

Принципы этих типажей довольно жесткие. Так, бороться со злом его средствами, добро за добро, но и «око за око», — многие ведут себя безнравственно, приходится отвечать

ведь многие понимают только силу и с ними нельзя быть добрыми. Обобщенно, принцип талион («око за око») выработан по всем возможным вопросам. Однако они вовсе не беспринципны, а скорее, наоборот. Они против результата любыми средствами, не считают, что победитель прав. Они отрицают «вкусовщину» морали — что каждый может поступать по интуиции, следовать морали, которая ему ближе. Единственное, что несколько «портит» цельную картину — перекладывание вины за человеческие пороки на общество; оно во многом виновато в том, что делает людей такими, какие они есть.

Что касается понимания роли нравственности для себя, то они получают гораздо большее удовольствие (чем другие) от того, что доставили радость другому, и полностью отрицают, что нравственное поведение немного стоит (и вообще мораль нужна только слабым), что она никого счастливее не делает. Второй ведущий мотив соответствующего поведения — ожидания порядочного поведения со стороны других людей.

Исходно — филантроп

Адыгейцы при решении ряда моральных конфликтов занимают прямо противоположную «московским дарвинистам» позицию, которая отличает их одновременно и от всех остальных типов. Так, они явно против негативных высказываний о человеке в его отсутствие, против опасных экспериментов на людях, заведомо выигранных споров на деньги, увольнения человека в тяжелой ситуации (московские эгоисты тут не церемонятся). Они без сомнений подскажут коллеге на экзамене и пойдут на симуляцию, чтобы поехать к другу на свадьбу, утаят на суде сведения, бросающие тень подозрений на невиновного.

Но если что — милости не жди

Однако их приверженность принципу талиона не оставляет сомнений, что они при необходимости будут пытаться террориста, пойдут на убийство при самообороне, вообще могут наказать строже, чем положено, в случае серьезных последствий. К «братьям меньшим» отношение не лучше — если много разведется — отстреливать. В дополнение к этому явное трудолюбие — очень важно работать, даже если нет такой необходимости.

Что касается внешних форм поведения, то здесь противоречивая комбинация. С одной стороны, для них, в отличие от всех остальных, явно практически недопустимо просить попользоваться какой-то вещью, шутить по поводу религии в присутствии верующего, интересоваться размером зарплаты и сексуальной жизнью (у друзей), просить взаймы под проценты, за столом говорить о смерти и просить еще спиртного. Может показаться, что они уважают

права человека на личную жизнь, но не все так просто. Они не считают бестактным выразить соболезнования, если человек сам ничего не говорит о неприятностях, делать детям замечание в присутствии их родителей, и вполне могут против желания человека «резать правду-матку» ему в глаза и более других способны на фамильярное «ты» с незнакомым. Хотя однозначным вторжением в частную жизнь может считаться только «насильственная правда», остальные формы поведения иногда оправдываются добрым отношением к человеку, демонстрацией расположения к нему.

Интерпретировать данный тип не совсем просто, хотя он вполне цельный и не очень противоречивый. В целом люди, его образующие, исходно за нравственное поведение, при этом не оправдывают целью средство и против «самоопределения» в морали, но очень жестко поступают с теми, кто от норм морали отклоняется. Иными словами, гуманисты с друзьями (добропорядочными людьми вообще), но беспощадны с врагами и негодяями. Здесь стоит отметить, что московских аналогов этот тип не имеет. Там, скорее, либо полностью гуманное отношение (даже к террористам), либо тотальная беспринципность, хотя есть и полная неопределенность.

«Ответственный товарищ» — самый многочисленный (в нем с некоторым преимуществом жители Краснодара; из 235 человек в нем 100 москвичей, хотя соотношение должно быть иным — 133 москвича из указанного числа, если исходить из пропорциональной представленности).

Явных отличительных характеристик у этого типа немного. Однако явно выражено мнение о том, что, не делая добра, нельзя быть счастливым, при этом людей считают благодарными, верят, что они добро ценят и отвечают взаимностью. Хотя это не единственные мотивы нравственного поведения — в некоторой степени ими руководствует и ответственность перед другими людьми.

Как и «адыгейские мужчины» они получают удовольствие от того, что доставили радость другим, также ориентируются на ожидания других, но уже в гораздо меньшей степени. Однако они принципиально отличаются от них в решении некоторых моральных конфликтов. Так, они не «за», а определенно «против» утаивания сведений на суде, даже если это повредит невиновному. Они против покупки вещей сомнительного происхождения, более строгого, чем положено, наказания — в этом они также противоположны (против). Они против отстрела бродячих животных и значимо отличаются определенностью своей позицией от

Высокого мнения о людях

всех остальных типов. От всех остальных (особенно от «дарвинистов») их отличает и недопустимость «подстав-ки» человека, которого трудно «поймать за руку», использование для этого (и не только) без ведома другого звуко-записывающей техники, они не будут работать на любимой работе, если семье тяжело и требуется зарабатывать больше.

По вопросам тактичности и вежливости они занимают «среднюю» позицию, ничем от других особенно не отличаясь.

Обобщенно, это ответственные, гуманные люди, они против сомнительных действий, в том числе и для достижения цели. Они получают удовольствие от того, что делают добро другим, считают это залогом счастья и в целом очень неплохого мнения о людях. Ранее этот тип не выделялся на московской выборке, хотя очень много общего было у так называемых «самоотверженных женщин».

Наиболее близок ему **«гуманист принципиальный»**. Эти люди (всего 94 человека, 73 из них москвичи) однозначно против концепции борьбы со злом его средствами, против принципа талиона во всех проявлениях («око за око», с людьми безнравственными приходится вести себя так же), против идеи «цель оправдывает средство, поэтому зло иногда необходимо», они также против бесцеремонного обращения с людьми, какими бы они ни были и не считают, что нельзя быть добрыми с теми, кто понимает только силу (люди, по их мнению, не так и эгоистичны). Они, с одной стороны, против того, чтобы только самооценка в виде стыда перед собой, а не другими, была основным критерием при выборе поступков, но при этом далеки от конформизма; меньше всех остальных они одновременно полагают, что вести себя порядочно следует из-за ожиданий других людей, что надо вести себя так, как принято, даже если с этим не согласен. И на общество вину за свои недостатки они не перекладывают. Мораль и этикет — это разные вещи, считают они. Они не очень эмоциональны, по крайней мере в их нравственной сфере чувства играют не главную роль; удовольствия от того, что доставили радость другому, они не очень получают, и также сомневаются, что добро является залогом счастья.

Больше других они возражают против нарушения правил, даже если жизнь под угрозой; не будут управлять автомобилем, если даже нужно срочно подвести больного, не украдут даже для умирающего лекарство. Хотя жизнь они ценят во всех проявлениях; они против аборта, если семья в тяжелом положении, против аборта даже у тяжелобольных (СПИД, психические расстройства), против убийства

Против сомнительных методов

Против нарушения правил, даже ради жизни

даже при законной самообороне, когда собственная жизнь под угрозой. Но все же их принципиальность, скорее, сильнее их оценки жизни. Они сомневаются, идти ли на компромисс с бандитом, чтобы спасти невинных, тогда как остальные «за» в той или иной степени, не решили, надо ли пытаться террориста, чтобы узнать о месте заложенной бомбы.

Они тем более не подскажут коллеге на экзамене, не откроют его рабочий стол, даже если требуется, но они против и симуляции. Скорее всего, они стремятся жить с собой в ладу; не хотят спорить на деньги, заведомо зная о выигрыше, не хотят кривить душой ради выгоды фирмы, склонны прощать обиды, а не мстить. Обобщенно, тип довольно пассивный; с одной стороны, не стремится работать, если есть такая возможность, с другой — руководствуется запретами в гораздо большей степени, чем стремлением к цели. Единственное для него важно, так это прощать, что также является пассивной позицией. При этом, скорее всего, они не так и добры; больших эмоций по поводу нравственности не испытывают.

Внешне весьма корректны, скорее всего, тактичнее всех остальных; более других против крепких выражений, фривольных анекдотов, обращения на «ты» с незнакомыми, считают, скорее, недопустимым против желания человека «резать правду» ему в глаза, обращать внимание на непорядок в его одежде.

Создается впечатление, что их принципиальность имеет некоторый если не фарисейский, то формальный характер. Они против нарушения правил, даже в критических ситуациях, и сами перед собой, видимо, целей (ни добрых, ни злых) не ставят.

Однако при описании этого типа можно выделить две его разновидности. Различие между ними не столь велико, чтобы описывать их как два самостоятельных. Они близки и можно говорить лишь об отдельных (хотя и весьма многочисленных акцентах). В первом 37 человек (обозначим его просто как принципиальный гуманист — «ПГ»), второй почти весь представлен москвичами (из 57 в нем только 5 русских из Краснодара; для простоты будем обозначать его как «московские гуманисты», или «МГ»). Однако, поскольку мы рассматриваем этнические характеристики морального сознания, то сочли важным привести и относительно небольшие особенности, «тонкие» отличия. Однако подтипы рассматриваются в рамках данного типа, их отличие от остальных не приводится.

Очень вежливы

Подтипы

МГ принципиально отличаются от других подтипов тем, что удовольствия от своих добрых дел (радости другому) не получают, тогда как остальные получают, и очень большую. В равной степени это относится и к концепции счастья, если МГ добро не считает залогом счастья, то остальные однозначно именно такого мнения. Поэтому ПГ категорически возражают, что нравственное поведение само по себе немного стоит, МГ выражают сомнения. ПГ также категорически не согласны, что не стоит и стараться делать добро, поскольку люди неблагодарны, МГ опять же сомневаются. МГ во всех остальных позициях занимают более нейтральные, близкие к сомнениям позиции. Они не столь категорично отрицают, что мораль — просто этикет, не столь ревностно против принципа талиона. ПГ же «экстремальнее». Поэтому они, видимо, против попыток к террористу, когда МГ, скорее «за», против несправедливого наказания, при некоторой склонности МГ к оному. Они, при нейтральной или близкой к ней позиции МГ, однозначно против «подставок» человека, тайных записей разговоров. Обобщенно, они и здесь занимают более последовательную и выраженную позицию. Они отличаются и склонностью к работе, хотя все равно не считают ее очень важной. Единственное, чем эти типы не отличаются, так это тактичностью; отличий между ними нет вообще.

Таким образом, москвичи не столько принципиальны в своей гуманности, и, скорее, могут быть определены как относительные гуманисты в рамках типа, тогда как ПГ именно таковыми могут считаться.

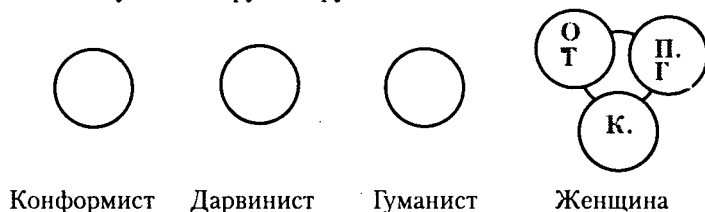
ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Итак, мы выделили и описали 5 типов — дарвинистов, конформистов, адыгейского мужчину, гуманистов и «товарищей». Однако прежде (на московской выборке) выделялась «самоотверженная женщина»; в этот тип входили представительницы только прекрасной половины, и идентифицировался этот тип уже у юношей (15–16 лет). Хотя их данные также были использованы в нашей работе, они в самостоятельную группу не выделились. Они распределились в основном по «гуманистам» и «ответственным товарищам», отчасти попали к конформистам. Однако, интересно отметить, что никто из них не попал в «московские» группы (типы и подтипы).

В итоге мы получаем вполне сравнимые результаты. С одной стороны, подтвердили свое «право на существование» дарвинисты, гуманисты и конформисты, при этом у по-

следних можно было выделить и вариации, иногда довольно интересные. Выделился близкий к гуманистам «ответственный товарищ». Среди этих вариаций нашли себе место «самоотверженные женщины» Москвы, которые не вписывались ни в один из московских типов. Но вместо них выделился иной тип — «адыгейский мужчина» с весьма своеобразной моралью; в данной выборке он стоит совершенно особняком, поскольку сочетает в себе в равной степени как дарвиниста, так и гуманиста.

Если выявление «адыгейского мужчины» вполне объяснимо тем, что ранее он просто в выборку не входил, то «исчезновение» ранее выделяемого у москвичей практически исключительно женского типа также объяснимо. Можно представить московскую выборку как четыре окружности, представляющие основные типы — конформиста, дарвиниста, гуманиста и женщины, при этом все они достаточно удалены друг от друга.

Но женский тип находит очень много общего с «ответственными товарищами», принципиальными гуманистами, отчасти с конформистами, которые и вбирают в себя московских женщин. На рисунке это схематически изображено в виде наложения трех окружностей на один. Таким образом оказывается, что ранее интерпретированный как чисто женский тип таковым на деле не является. Он просто был настолько далек от остальных московских типов, что образовывал собственный. Тем более оправданным оказывается выделение московского подтипа «гуманиста»; «самоотверженная женщина» Москвы гуманна, но не по-московски, ближе к россиянам. С другой стороны, ранее относимые к неопределенному множеству москвичи (не анализируемые и не интерпретируемые) нашли себе место в таком новом типе как «ответственный товарищ». Статистически все вполне объяснимо, но главное, что и результаты получаются вполне объяснимыми с социально-психологической точки зрения.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТИПОВ

Москвичи

В целом явно не столь тактичны, весьма сомневаются в необходимости нравственного поведения и более способны ко многим неблагоприятным действиям. При этом образуют особый тип «дарвинистов». Они вполне тактичны и вежливы, но эмоционально холодны и способны на многое, но далеко не всегда доброе.

Московские подтипы как гуманистов, так и конформистов также отличаются бесцеремонностью по сравнению с другими, и сомнениями в необходимости творить добро. Очевидно, что общие тенденции, выявленные при сравнении москвичей и жителей Краснодара, сохраняются в целом и на уровне подтипов. Но бестактности в целом это не касается; по этому показателю больших различий выявляется очень немного — чисто московский тип и подтипы ничем особенным не выделяются.

Сомнения в роли нравственности, выраженная (особенно у московских конформистов) анархичность в нравственном самоопределении интерпретируются в рамках теории Л. Колберга как довольно высокий уровень развития социоморальной рефлексии — **«релятивизм личностных ценностей»** оценивается как переход от стадии 3 к стадии 4 (высшей) зрелого уровня. Как указывается, он может оставаться стабильным неограниченный период времени, особенно благодаря той культурной поддержке, которую он получает из популярной идеологии западных обществ [38]. Поэтому можно предполагать, что на «московскую» мораль большее (чем на жителей Краснодара) влияние оказывает идеология «свободных» западных культур. Единственные, кто из москвичей легко входят в российские типы — это относительно небольшая группа женщин. К сожалению, в опросе не фиксировалось место рождения и сейчас нельзя установить, откуда они родом, и влияет ли происхождение на мораль кардинальным образом. Москвичей можно с большой вероятностью охарактеризовать как бикультурных. Если согласиться с концепцией «погружения» Ю.М. Плюснина [39], традиционное общество приходит в соприкосновение с обществом современным, «погружается» в него, и традиционная культура начинает «растворяться» в универсалистской культуре. Обе исходные сохраняют свое значение, но традиционная модель, доминирующая на раннем этапе социализации, в дальнейшем деградирует и уступает место универсалистской модели, вследствие чего на поздних этапах социализации индивид оказывается как бы пребывающим в

двух состояниях, становясь «культурно-расщепленной» личностью, маргиналом.

Адыгейцы

Явно выделяются в целом тактичностью, принципами взаимодействия добром и злом и определенным разделением людей на «своих» и «чужих». Здесь следует отметить, что указанные принципы — отличительные характеристики, скорее, родовых культур. В концепции Л. Колберга и его последователей эти черты — признак относительно невысокого уровня развития морали. Так, Quid Pro Qui (услуга за услугу), в частности Tit for tat («зуб за зуб») описывается в рамках стадии 2 или незрелого уровня социоморальной рефлексии [40]. Деление людей на категории также весьма далеко от фундаментальной оценки, когда какой-либо принцип распространяется на всех без исключения, и которая характеризует зрелый уровень развития нравственности. Эти принципы акцентированы у «адыгейских мужчин», но отличают и подтип конформистов с преобладанием адыгейцев. Хотя также типичные в целом нормативные ожидания относятся уже к зрелому уровню — стадии 3.

Вероятно, «адыгейские мужчины» относятся к так называемым **сегреглируемым** (или сепарированным) индивидам, которые высоко автономны в оценивании своей этнической идентичности как «цели в себе»; они стремятся поддерживать свою отличительную идентичность, даже если это приводит к социальным, экономическим и другим проигрышам. И это относится к моральным принципам и нормам тактичности. Однако большинство адыгейцев Краснодарского края, скорее, относятся к интегрированным (бикультурным) индивидам, или ассимилированным. Они входят в «русские» типы, отчасти сохраняя этнические особенности.

Русские

Отличаются ответственностью и против самоопределения в морали. Самостоятельного типа или подтипа не образуют, но их особенно много среди «ответственных товарищей» (79 из 235, что явно больше «квоты»), 22 среди всех подтипов конформистов (из 151), в остальных также представлены слабо. Однако ярких отличий не имеют (хотя, может быть, именно такая неопределенность и является лучшим вариантом). Вероятно, традиционную русскую нравственность лучше всего представляют именно «ответственные товарищи».

С точки зрения последователей Л. Колберга, такие аспекты нравственности как социальная ответственность и ответственный характер типичны для стадии 4 — высшего этапа зрелого уровня.

РЕЗЮМЕ

К сожалению, у нас на сегодня нет данных по адыгейцам, проживающим в традиционной для себя культуре, и мы не можем судить о том, насколько влияет на их нравственные представления «культурный шок» — влияние культуры с иной системой ценностей и норм. Трудно судить и о том, насколько влияют они сами на коренных жителей Краснодара. Поэтому, безусловно, важными как теоретически, так и практически представляются нам дальнейшие сравнительные исследования в области морали. Как было показано, они приносят пользу не только этнопсихологии, но и психологии в целом — позволяют уточнять типологию, описывать новые или отказываться от «старых» типов, лучше представлять ведущие мотивы, связь морали с тактичностью (или ее отсутствие), и многие другие аспекты нравственности. Хотя не только нравственности, но и всех звеньев самосознания в целом.

-
1. Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Мораль в сравнительном измерении // СОЦИС. 1998. № 6. С. 89.
 2. Дубов И.Г., Хвостов А.А. Моральная детерминация поведения в обыденном сознании больших групп населения // Вopr. психологии. 2000. № 5. С. 87–99.
 3. Гуревич К.М. Проблемы современной психологической диагностики // Психологическая диагностика: Проблемы и исследования / Под ред. К.М. Гуревича. М.: Педагогика, 1981. С. 5–23.
 4. Пономарев Я.А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983. 205 с.
 5. Гуревич К.М. Там же.
 6. Мельников В.М., Ямпольский Л.Т. Введение в экспериментальную психологию личности. М.: Просвещение, 1985. 319 с.
 7. Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Там же. С. 101.
 8. Хвостов А.А. Диагностика индивидуальной морали: проблемы и перспективы // Развитие личности, 1998. № 3–4. С. 62–82.
 9. Хвостов А.А. Сравнительный анализ моральных суждений — от подростков до среднего возраста в России и США // Развитие личности. 2001. № 1.
 10. Gibbs J.C., Basinger K.S., Fuller D. Moral maturity: measuring the development of sociomoral reflection. Hillsdale

(New-York) etc.: Lawrence Erlbaum association, 1992. XII, 218 p.

11. *Николаева О.П.* Влияние отцовского и материнского типов воздействия на развитие морально-правового сознания // Субъект и социальная компетентность личности / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Институт психологии РАН, 1995. С. 138—153.

12. *Ивин А.А.* Элементарная логика. М.: Дидакт, 1994. С. 55—57.

13. *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали: Пер. с польск. / Общ. ред. А. А. Гусейнова. М.: Прогресс, 1987. С. 479.

14. *Зеленкова И.Л., Беляева Е.В.* Этика. Учебное пособие и практикум. Минск: ТетраСистемс, 1997. С. 240—242.

15. *Оссовская М.* Там же.

16. *Solomon R.S., Hanson K.R.* Ethical Styles // Ethical insight, ethical action: Perspectives for the local government manager / Ed. by E.K. Keller. Washington: ICMA, 1988. P. 59—64.

17. *Вебер М.* Избранные произведения: Пер. с нем. / Под ред. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 630.

18. *Темнова Л.В.* Специфика мыслительного процесса решения нравственных задач: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1991. 20 с.

19. *Парамонова С.П.* Динамика морального сознания. Пермь: ПГТУ, 1997. — 223 с.

20. *Хвостов А.А.* Онтогенез морального сознания: от подростков до студенческой молодежи // Развитие личности. 2000. № 3—4. С. 75—100.

21. *Джиббс Дж., Бэсинджер К., Фуллер Д.* Моральная зрелость: Диагностика развития социоморальной рефлексии // Развитие личности. 1998. № 2. С. 119—120.

22. *Титаренко А.И.* Специфика и структура морали // Мораль и этическая теория / Под ред. О.П. Целиковой. М.: Наука, 1974. С. 40—41.

23. *Хвостов А.А.* Типология морального сознания студенческой молодежи // Развитие личности. 1999. № 3. С. 121—151.

24. *Хвостов А.А.* Онтогенез морального сознания: от подростков до студенческой молодежи // Развитие личности. 2000. № 3—4. С. 75—100.

25. *Сидоренко Н.И.* Социальные нормы и регуляция человеческой деятельности. М.: Изд-во РЭА, 1995. С. 83—84.

26. *Дробницкий О.Г.* Понятие морали. М.: Наука, 1974. С. 257—258.

27. *Кузнецова Г.В., Максимов Л.В.* Природа моральных абсолютов. М.: Наследие, 1996. С. 113—114.

28. Мдивани М.О., Дубов И.Г. Различия в нормативной сфере больших групп населения Москвы // Ментальность россиян / Под ред. И.Г. Дубова. М.: Имидж-Контакт, 1998. С. 135.

29. Дубов И.Г. Представления россиян о границах допустимого поведения в межличностном общении // Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / Под общ. ред. И.Г. Дубова. М.: Фирма Имидж-Контакт, при участии ООО «Издательство АСТ», 1997. С. 192.

30. Лапина Т.С. Социальные функции морали // Мораль и этическая теория / Под. ред. О.П. Целиковой. М.: Наука, 1974. С. 79.

31. Здравомыслов А.Г. Конфликт интересов и кризис нравственных оснований мотивации поведения // Динамика ценностей населения реформируемой России / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: Эдиториал УРСС, 1996. С. 165.

32. Блюмкин В.А. Мир моральных ценностей. М.: Знание, 1981. С. 32–33.

33. Волченко Л.Б. Гуманность, деликатность, вежливость и этикет. М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 90.

34. Дубов И.Г. Представления россиян о границах допустимого поведения в межличностном общении // Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / Под общ. ред. И.Г. Дубова. М.: Фирма «Имидж-Контакт» при участии ООО «Издательство АСТ», 1997. С. 192.

35. Шибутани Т. Социальная психология: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1969. С. 42.

36. Дубов И.Г. Представления россиян о границах допустимого поведения в межличностном общении // Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / Под общ. ред. И.Г. Дубова. М.: Фирма «Имидж-Контакт» при участии ООО «Издательство АСТ», 1997. С. 192.

37. Хвостов А.А. Онтогенез морального сознания: от подростков до студенческой молодежи // Развитие личности. 2000. № 3–4. С. 75–100.

38. Джиббс Дж., Бэсинджер К., Фуллер Д. Указ. соч. С. 124.

39. Плюснин Ю.М. Личность на перекрестке культур: модели социализации в условиях межкультурного взаимодействия. Новосибирск: Издание института философии и права СО РАН, 1994. С. 18–20.

40. Джиббс Дж., Бэсинджер К., Фуллер Д. Указ. соч. С. 117.